

Я.Я. Этингер

КОГДА НАЧАЛОСЬ «ДЕЛО ВРАЧЕЙ»?

В известном сообщении ТАСС 13 января 1953 г. «Арест врачей-вредителей», опубликованном во всех центральных газетах, упомянут и мой отец Я.Г. Этингер, профессор-терапевт. Однако, в отличие от коллег, отец был арестован не в конце 1952 года, а значительно раньше, 18 ноября 1950 г., и не в связи с готовящимся «делом врачей», а по стандартному обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» (ст.58-10).

В нашем доме действительно говорили довольно свободно и на разные темы. Отец совсем не походил на замкнутого в профессиональную сферу специалиста. Он был широко образованным человеком, прекрасно разбирался в литературе, любил театр, живопись. У нас часто бывали актер Н.П. Хмелев и балерина Е.В. Гельцер, художники Н.П. Крымов и С.В. Малютин, писатели А.С. Яковлев и С.Я. Маршак. Помню дружескую надпись, сделанную Маршаком на сборнике переводов Шекспира: «Пришли сонеты в СССР // Сквозь долгие века. // Тому причиной Этингер, // Лечивший Маршака». (Книга эта была изъята при аресте отца, и следователи пытались использовать ее как доказательство «преступной связи» между отцом и Маршаком, на которого «собирали материал»). Конечно, отец интересовался политикой. Он внимательнейшим образом читал газеты, потом мы с ним подолгу обсуждали происходящие события — и «лысенковщину», и отношения с Югославией, и разворачивавшуюся антисемитскую кампанию. Говорили мы откровенно и в оценках не стеснялись. Оказалось, что наши беседы аккуратно прослушивались... Это и послужило ближайшим поводом к аресту нас обоих.

В аресте отца участвовала большая группа работников МГБ СССР во главе с М.Рюминым, тогда, кажется, подполковником. Насколько я могу судить (по косвенным, конечно, источникам), в ходе следствия вопрос о каком бы то ни было лечении Этингером руководителей партии и государства не вставал. Между тем, основания для разговоров с отцом на эту тему у следователей были: в течение многих лет отец был консультантом Лечсанупра Кремля, среди его пациентов — Киров, Ходжаев, Лакоба, Чичерин, Литвинов, Карahan, Тухачевский, Толятти, Пик, Димитров, Коларов... (К слову, несмотря на то, что отец на протяжении многих лет лечил Орджони-

кидзе, практически был его домашним врачом, ознакомиться с медицинским заключением о смерти этого пациента ему не удалось). Отцу инкриминировались «клеветнические измышления» в адрес Сталина и Берии, сомнения в том, что Бухарин и другие видные деятели являлись иностранными агентами, ему вменяли в вину осуждение «борьбы с космополитизмом», квалификация ее как проявление антисемитизма и т.п.

Широко бытует версия, прямо связывающая смерть моего отца во время следствия и начало «дела врачей». А.И. Солженицын пишет: «Возвышенный Абакумовым и приближенный Абакумовым Рюмин пришел к нему... с сенсационным сообщением, что профессор-врач Этингер сознался в неправильном лечении (с целью умерщвления) Жданова и Щербакова. Абакумов отказался поверить, просто знал он эту кухню и решил, что Рюмин забирает слишком (а Рюмин-то лучше чувствовал, чего хочет Сталин). Для проверки устроили в тот же вечер перекрестный допрос Этингеру и вынесли из него разный вывод: Абакумов — что никакого дела врачей нет, Рюмин — что есть. Утром бы проверить еще раз, но по чудесным особенностям Ночного Заведения ЭТИНГЕР ТОЙ ЖЕ НОЧЬЮ УМЕР! Тем же утром Рюмин, минуя Абакумова и без его ведома позвонил в ЦК и попросил приема у Сталина! (Я думаю, не это был его самый решительный шаг. Решительный, после которого уже голова стояла на кону, был — накануне — не соглашаться с Абакумовым, а может быть ночью убить и Этингера. Но кто знает тайны этих дворов, а может быть контакт со Сталиным был еще и раньше?). Сталин принял Рюмина, дал ход делу врачей, а АБАКУМОВА АРЕСТОВАЛ. Дальше Рюмин вел дело как бы самостоятельно...» («Архипелаг ГУЛаг», т.1, ч.1, гл.4). Версия эта недавно в общем виде была продублирована в «Науке и жизни» бывшим сотрудником МГБ Трубачевым (1988, №12). Но вместо Этингера здесь назван М.Б. Коган, который, после признания Абакумову и Рюмину, повесился в тюремной камере. Помимо того, что возможность повеситься во внутренней тюрьме МГБ (да еще арестанту, сделавшему такое важное признание, а значит и особо надзираемому) маловероятна, вся версия о М.Б. Когане представляется откровенно ошибочной. М.Б. Коган, чье имя находим в списке «врачей-вредителей», опубликованном ТАСС 13 января 1953 г., умер 26 октября 1951 г. К этому времени Абакумов уже несколько месяцев как не был министром госбезопасности. Когану были посвящены официальные некрологи (напр. «Клиническая медицина», 1952, №2), что заведомо исключает его смерть в следственном изоляторе (ср. заметку по этому поводу его сына: «Наука и жизнь», 1989, №6). По делу проходил брат М.Б. Когана — Б.Б. Коган, но он умер своей смертью через несколько лет после того, как «дело врачей» было закрыто.

Что касается смерти моего отца, то, если верить свидетельству о смерти, выданному нашей семье в 1955 г., он скончался 2 марта 1951 г. «от самопроизвольного разрыва стенки левого желудочка сердца». Получив в Свердловском ЗАГСе Москвы свидетельство, мы с матерью долго гадали, можно ли верить этой дате — 2 марта 1951. И пришли к выводу, что скорее всего она правдива. Я и сейчас склоняюсь к тому же мнению. Дело было слишком громкое, реабилитированы врачи были рано, до начала массовых реабилитаций, когда обычной практикой стало «разбрасывать» в справках даты смерти, да и реабилитация врачей произошла «на высочайшем уровне». К тому же отец был единственным из названных в сообщении ТАСС врачей, кто погиб в тюрьме, скрывать какой-нибудь массовый расстрел здесь не надо было — какой резон был лгать относительно даты его смерти?! Действительно, отец страдал тяжелой формой стенокардии, в 1951 он был далеко не молод (64 года), а испытания следствием могли приблизить его смерть. Еще одно — ни мне, ни матери, не дававшим нужных следствию показаний на отца, на его и других врачей «преступную деятельность», не давали очных ставок с отцом и не предъявляли его показаний (для сравнения — когда наши с матерью показания относительно какой-то мелочи разошлись, нам тут же дали очную ставку). Мне также неизвестно, чтобы показания отца предъявлялись кому-то другому. Наконец, последнее: почему-то мне врезался в память мой допрос 5 марта 1951 года (возможно, по ассоциации с другим 5 марта). Следователи вели себя как-то необычно, было ощущение в чем-то изменившейся интонации. Дело мое вскоре после этого допроса было закончено, и я уже ждал приговора. Думаю, что это было связано с только что происшедшей смертью отца. Но если принять официальную дату смерти за истинную, то тогда возможно несколько уточнить и подправить версию Солженицына.

Даже если отец умер после перекрестного допроса Рюминым и Абакумовым, то дальнейшие события развивались не так стремительно. Пускай даже Рюмин сумел 3-го марта утром пробиться к Сталину, но арестован-то Абакумов был несколькими месяцами позднее — по недавнему сообщению в «Известиях ЦК КПСС» (1989, №3, с. 169), его только в июне исключили из партии, а развернулось вовсю «дело врачей» еще спустя год с небольшим, когда на месте Абакумова давно уже сидел С.Д. Игнатьев. Главное, однако, в другом.

17 октября 1950 г., за месяц до ареста отца, арестовали меня, тогда студента-экстерна исторического факультета МГУ. Арестовали на улице, ордер, с которым я познакомился уже на Лубянке, был подписан Абакумовым и Генеральным прокурором, кажется, Сафроновым. До конца весны 1951 г. шли допросы, неоднократным участ-

ником которых был и Рюмин. Обвинения, предъявленные мне, были близки тем, которые, насколько известно, инкриминировались отцу и базировались, в основном, на содержании наших бесед с отцом. Меня спрашивали о чем угодно — об отношении к Сталину, Тито, о внутренней и внешней политике, но ни одного вопроса о «вредительском лечении» мне не задавали. 17 мая 1951 г. в Лефортово мне объявили приговор ОСО — 10 лет лагерей, 5 июня — отправили этапом на Колыму. В июле несколько недель провел я в Ванино, ожидая парохода на Магадан.

За это время в Москве были арестованы моя мать врач-терапевт Р.К. Викторова и — чуть позже — много лет жившая в нашей семье М.П. Харецкая (в 1941 г. именно с ее помощью мне удалось бежать из немецкого концлагеря в Минске). М.П. Харецкую допрашивали о гостях, разговорах в доме и вскоре, отобрав подписку о невыезде, отпустили. Мать, арестованную 16 июля 1951 г., на «общие» темы допрашивали лишь в самые первые дни, и вскоре полностью переключились на вопросы «вредительского лечения». Произошло это, как я понимаю, в конце июля — начале августа. (Позднее она была приговорена решением ОСО к 10 годам тюрьмы и отправлена сначала во Владимир, а потом в Новочеркасск).

В первых числах августа 1951 меня вызвали в комендатуру лаг-отделения и сообщили о том, что возвращают в Москву на следствие. До отправки поместили в изолятор. Возвращался я не через пересыльные тюрьмы, а через внутренние тюрьмы областных управлений МГБ. Если в Ванино я ехал в «купе» на двадцать человек, то назад в Москву я был в таком же купе совершенно один — изоляция соблюдалась строжайшая. 1 сентября меня доставили в Лефортово и на первом же допросе заявили примерно следующее: «Нам хорошо известно, что ваш отец вместе с профессорами Виноградовым, Возси, Гельштейном, Зелениным занимался вредительским лечением выдающихся советских деятелей. Они все признались в этом (в действительности врачи были еще на свободе, аресты начались гораздо позже). Отец с вами был в доверительных отношениях, поэтому вы не могли не знать обо всем. Рассказывайте». Отец, в частности, обвинялся во вредительском лечении умершего в мае 1945 г. секретаря ЦК, кандидата в члены Политбюро А.С. Щербакова, которого он вместе с Виноградовым лечил с конца 1944 до последних дней.

Меня последовательно допрашивали несколько офицеров из следственной части по особо важным делам МГБ. Сначала это были майор Чечуров, капитан Меркулов, подполковник Полянский, потом дело стал вести полковник Носов, в допросах участвовал и полковник Родованский, а кроме него и полковник Герасимов (дело матери вел полковник Седов). Неоднократно, как при первом следствии, присут-

ствовал на допросах Рюмин, теперь уже полковник, небольшого роста, довольно плотный, с гладко зализанными волосами. Обычно он врывается в кабинет следователя, осыпал меня бранью и угрозами, в кресло не садился, а все время бегал с криками по кабинету. Об «агитации и пропаганде», за которые я был осужден, теперь и речи не было (Рюмин называл их «камуфляжем»: «подумаешь, ругали товарища Сталина»), весь интерес был сосредоточен на отце и его коллегам, их «преступном лечении». Допросы продолжались до середины марта 1952 г., когда меня отправили в Кировскую область, в Вятлаг.

Из приведенных мною фактов получается, что «дело врачей» начали фабриковать не позднее августа 1951 года (у А.И. Солженицына — осень 1952 г.), но и не ранее, чем в июне этого года, т.е. спустя не меньше чем три месяца после смерти моего отца. Ибо если бы этот вопрос разрабатывался в МГБ уже весной 1951 г., то меня или бы спрашивали об этом, или — по крайней мере — не отправили бы на этап — какой смысл загонять на Колыму потенциального «свидетеля». Да и вернуть меня МГБ могло с любой точки пути, однако наряд на обратное этапирование пришел (телеграммой!) лишь в начале августа, т.е. в те именно дни, когда и мою мать начали допрашивать о «преступном лечении». Я вовсе не отвергаю возможности конфликта между Рюминым и Абакумовым на почве «дела врачей», я лишь отношу события к определенному сроку и не вижу прямой связи между делом отца и разворачиванием «дела» об «убийцах в белых халатах». Конечно, я сознаю шаткость своих утверждений, основывающихся во многом на доверии к официальной справке. Но, как я уже говорил, официальная дата смерти отца находит и ряд косвенных подтверждений. Безусловно, серьезные выводы здесь могут быть сделаны не раньше, чем станут доступными следственные дела отца и его коллег. Только тогда, возможно, мы получим ответы не только на затронутые выше достаточно частные вопросы, но и поймем истинный смысл «дела врачей» — должно ли оно было ограничиться только врачами, стало бы началом депортации еще одного народа, или, кроме всего прочего, процесс над кремлевскими медиками явился бы прологом новой гигантской чистки, нового «большого террора»*.

* Другой вариант данной статьи опубликован автором в ж. «Наука и жизнь», 1990, №1 (Ред.).